

ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВА – ВАЛЕРИЙ МОКИЕНКО
[TATJANA LEONTEVA – VALERIJ MOKIENKO]

СОСЕДИ И СОСЕДСТВО В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

COBISS: 1.01

[HTTPS://DOI.ORG/10.3986/JZ.27.1.10](https://doi.org/10.3986/JZ.27.1.10)

Sosedi in sosedstvo v vzhodnoslovanski paremiologiji: primerjalna analiza

V prispevku je predstavljena analiza ruskih, ukrajinskih in beloruskih paremij, v katerih se kaže enotnost nasprotujočih si pomenov s skoraj uravnoteženimi pozitivnimi in negativnimi značilnostmi soseke.

Ključne besede: vzhodnoslovanski jeziki, paremiologija, pregovori in reki, koncept SOSED, koncept SOSESKA

Neighbors and Neighborhood in East Slavic Paremiology: A Comparative Analysis

This article analyzes Russian, Ukrainian, and Belarusian proverbs, which reflect the unity of opposite meanings with nearly balanced positive and negative characteristics of a neighborhood.

Keywords: East Slavic languages, paremiology, proverbs and sayings, the concept of neighbor, the concept of neighborhood

1 ВВЕДЕНИЕ

Образ соседей в русской и инославянской паремиологии замечателен соединением, с одной стороны, одобрительных смыслов, издавна чествующих всю необходимость и прагматическую пользу общежития в традиционном социуме, а с другой – уничижительных коннотаций, прочно закрепившихся в негативном опыте неудавшегося, но неизбежного сосуществования жителей ближних домов, дворов, улиц.

Истоки этой разнонаправленности семантических векторов, то есть разворачивания паремиологического материала по взаимно удаляющимся друг от друга траекториям, следует искать в культурном антагонизме своего и чужого. Сосед, как и гость, есть одновременно и «свой-ближний» (в случае с гостем – «приблизившийся»), и «чужой-опасный». И гость, и сосед – это чужаки, с которыми заключается негласный договор, мир, союз, чтобы избегнуть нанесения вреда своему дому, семье.

Исследование выполнено в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс.

Феномен соседства находится на перекрестье изучающих взглядов представителей ряда гуманитарных направлений: истории, этнографии, этнологии, антропологии, культурологии, социологии, этнолингвистики, лингвокультурологии. Оттого категория «сосед» трактуется различно: это и хозяин дома, расположенного рядом; и житель близкой деревни; и представитель другой национальности, живущий в том же населенном пункте; и государство, граничащее с другим.

Понятие «сосед» складывается из ряда семантических компонентов, которые имеют различный статус: одни компоненты образуют ядро значения собственно слова *soced*, другие выходят за рамки совокупности смыслов, необходимых для идентификации объекта, точнее – для квалификации объекта как принадлежащего к категории «сосед». Именно эти смыслы, выходящие за рамки собственно языкового значения, можно предположить, ярче и полнее запечатлены в паремиологическом фонде языка.

Слово *soced* в русских словарях дефинируется подчёркнуто нейтрально, без апелляции к аксиологической потенции соответствующего концепта: 1. Тот, кто живёт вблизи, рядом с кем-л. 2. Тот, кто занимает ближайшее к кому-л. место. 3. Государство, местность, граничащая с другим государством, местностью; население их | О каком-л. учреждении, предприятии, воинской части, колхозе и т. п., расположенном рядом; о жителях, рабочих и т. п. их (BTS 1998: 1259). Такая аксиологическая нейтральность, по-видимому, задана этимологической прозрачностью слова. Не случайно поэтому в новейшем толковом словаре русского языка с этимологической зоной для слова *soced* даётся развёрнутая этимологическая справка, начинающаяся др.-рус. *suchdъ* со всеми славянскими (включая и прасл. **sqshdъ*) и завершающаяся индоевропейскими параллелями – ср. *consilium* < *considium* < **con-sed-* от *con-sido*, *-ere* ‘сидеться, поселяться’ (TSRJa 2007: 921). Традиционная расшифровка внутренней формы праславянизма **sqshdъ* как сложения приставки *су-* и *сидеть* (Fasmer 3: 726) с семантикой ‘какой сидит рядом’ (ESUM 5: 482) принимается практически всеми славянскими этимологами.

На первый взгляд, «сидение рядом» действительно не предполагает какой-либо оценки того, кто выполняет это «бездейственное действие». Но тем не менее этот нейтральный этимон таит в себе семантический синкретизм, который в конкретных условиях может приобретать либо положительную, либо отрицательную оценочность. Развитие такой диаметрально противоположной аксиологичности убедительно продемонстрировала на обильном материале современного русского языка Л. В. Балашова (Balashova 2017), выявившая основные признаки концепта «Сосед» как части оппозиции «Свой» – «Чужой». В новейших литературных и публицистических контекстах, почерпнутых в основном из Национального корпуса русского языка (NKRJa), саратовским лексикологом найдены целые блоки дифференциальной семантики такого

рода, градуально отражающейся в основных метафорических моделях лексемы *sosjed* и её словообразовательных дериватах.

По наблюдениям, сделанным на основе лексического и словообразовательного материала, автор выделяет в зоне концепта СОСЕД несколько признаков, в том числе и антонимических, которые характеризуют тип отношений между постоянно проживающими в непосредственной близости людьми, не связанными генетическими (родственными) связями. Комплекс таких признаков определяется как ‘наличие неформальных (межличностных) отношений’, что обеспечивает потенциальную возможность актуализации нескольких типов концептуальных признаков, связанных с расширением концептуальной зоны ‘свойства’ или ‘чуждости’. С одной стороны, пространственная близость и наличие общих условий и интересов может порождать «понимание» соседями друг друга, то есть постижение образа мыслей, действий, намерений друг друга и т. п., что расширяет зону ‘свойства’ и сужает зону ‘чуждости’. С другой стороны, постижение образа мыслей, действий, намерений соседей усиливается, если постоянное проживание в близости друг от друга порождает ‘личный интерес’, то есть восприятие образа жизни соседей как чего-л. важного, значимого, достойного внимания. А такой интерес может быть как «здоровым», обусловленным небезразличием к другим, так и «нездоровым», вызванным праздным любопытством и вмешательством в дела друг друга. В первом случае актуализируется роль компонента ‘свойство’, во втором – компонента ‘чуждость’. Тем самым аксиологическая маркировка концепта СОСЕД может в реальных контекстах колебаться от нейтральной до максимально эмоциональной, причём как позитивной (‘доброжелательность’, ‘добрососедство’, ‘дружба’), так и негативной (‘неприязнь’, ‘вражда’, ‘открытый конфликт’, ‘зависть’ и т. п.). «В первом случае приятельские и дружеские отношения могут практически нейтрализовать компонент ‘чуждости’, замещая его компонентом, отражающим стереотипные отношения между близкими (и любимыми) родственниками», – замечает Л. В. Балашова (Balashova 2017: 133).

Не случайно аксиологическая дихотомия исходного семантического синкретизма, заданного внутренней формой этимона, прослеживается в контекстных конфигурациях разного тематического окружения. Без таковых лексема *sosjed* сохраняла бы дефиниционную нейтральность, фиксируемую словарями. Но если на лексическом и словообразовательном уровнях (исследованных Л. В. Балашовой) такая дихотомия ситуативна и непостоянна, то на фразеологическом и паремиологическом уровнях она обнаруживает константность, свидетельствующую о её древности и даже универсальности.

На это обратил внимание В. В. Колесов в своём «Словаре русской ментальности»:

«СОСЕДСТВО – *смежность* по месту жительства, *совместность* по деловым отношениям, не предполагающая близости по родству физическому или душевному.

С *соседом* принято жить в **мире и согласии**, что **приносит** пользу обоим («ближний сосед лучше дальней родни»); вместе с тем полностью доверять *соседу* не стоит («с соседом дружись, а за саблю держись»). Обычно Соседство приводит к плодотворному **соревнованию** («сосед спать не дает: хорошо живет»), но может – и к греховной **зависти** («курица соседа всегда выглядит гусыней»).

♦ Др.-рус. ‘прилегающие границами государства’ (XVI в.), ‘нетягловый человек, живущий в чужом доме’ (1646), ‘смежность проживания’ (1661) от *сосед* ‘рядом сидящий’ (XII в.); ср. *соседствие* ‘земли по соседству’ (1560)» (Kolesov et al. 2014, 2: 303).

Как видим, здесь этимологический синкретизм слова *сосед* как ‘рядом сидящий», констатируемый с XII века, дуализируется не лексическими и словообразовательными средствами, а лишь в составе паремий, противоположных по аксиологической оси. Вот почему, как кажется, для аксиологического и сопоставительного анализа концепта СОСЕД, СОСЕДСТВО паремиологический материал имеет первостепенное значение: ведь он отражает уже устоявшиеся его коннотации в народной культуре.

При этом отмеченная аксиологическая дихотомия пословиц о «Соседе» характерна как для русского, так и для украинского и белорусского языков. Не случайно в предисловии к 3-му тому своего фундаментального паремиологического собрания М. М. Пазяк особо выделяет именно концепт «Соседство», подчеркивая его оценочную амбивалентность: «Високо цінилося в народі добре сусідство. Цей мотив, притаманний багатьом ліричним пісням, проявився і в прислів'ях та приказках, які зображують різні форми сусідського співжиття: «Добрій сусід – найближча родина», «Як ся чоловік гаразд має, то і сусід у нього буває». Народна мудрість застерігає від лихого сусідства: «Пусти сусіда в хату, то й сам у сусіди йди», «Нема більшої біди над лихі сусіди». Деякі вислови не позбавлені гумору: «У сусіда ані коня не купуй, ані жінки не бери, бо будуть утікати» (Pazjak 3: 4).

Представим семантические компоненты, составляющие понятие «сосед», которое нашло отражение в вербальных комплексах различного типа: пословицах, поговорках (resp. фразеологизмах), загадках и под. русского, украинского и белорусского языков.

2 СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ‘БЛИЗОСТЬ РАСПОЛОЖЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ’

Во всех трактовках соседства, перечисленных выше, присутствует в ассерции указание на сам объект, называемый словом *сосед* (человек, группа, деревня, страна), и презумптивно подразумевается другой объект того же типа (человек – человек, группа – группа, деревня – деревня; страна – страна), поскольку

без этого второго не было бы точки отсчета, относительно которой определяется статус «сосед».

Свидетельство того, что идея соположения локусов составляет ядро понятия соседства, – наличие устойчивых выражений, обозначающих соседство, в структурно-семантической модели которых фигурирует образ соприкосновения двух объектов. Во фразеологии выявляется продуктивная модель «часть домового построения одного дома + предлог *в* или *с* + часть домового построения другого дома», по которой образуются конструкции с обстоятельственным значением ‘рядом, близко’: дон. *двери в двери* ‘рядом, возле, по соседству (жить)’ (SDGVO: 133), дон. *двор в двор (двор с двором)* ‘рядом, возле, по соседству (жить)’ (SDGVO: 133), дон. *плетень в плетень* ‘рядом, возле, по соседству’ (*Плетень ф плетень жыли с ними, сафсем рядам, дом з домам; Старик Андрей Дмитриевич Кочетов – плетень в плетень сосед моей бабушки – замечательно дишканил* – О. Мраморнов. Река и степь) (SDGVO: 141), дон., орл. *угол с углом* ‘рядом, возле, по соседству (жить)’ (SDGVO: 607; SOG: 124); дон., пск. *ряд [с] рядом* ‘близко, по соседству, рядом’ (SRDG, 3: 101; SPP: 68). Маркерами соседства выступают слова, обозначающие двери, угол, забор, двор, ряд домов; вообще слово *ряд* – знак корреляции со словом *рядом* ‘близко, вместе’: арх. *жить к ряду (кряду) [с кем]* ‘проживать по соседству с кем-л., в одном доме’ (AOS, 14: 186). Устойчивость этих средств манифестации соседства подтверждается загадкой о воротах (о столбе, на который навешаны ворота): новг. *У нашего соседа / Конь саврас / По колена увяз* (Воротный столб) (Sadovnikov 1995: 114). Таким образом, связка *сосед – ворота* закреплена в языковом сознании на фоне когнитивного осмысления соседской территории как закрытой, недоступной (вход закрыт воротами).

3 СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ‘ПОСЕЩЕНИЕ, ВСТРЕЧИ’

Употребительность грамматических конструкций с обстоятельственными значениями места (соседского дома или двора, куда может зайти, прийти тот, кто живет рядом) либо направления движения (прихода к соседям в дом, во двор) свидетельствует о том, что соседство связывается в языковом сознании носителей русского языка с ситуацией гощений как вида негласно предписанной формы взаимодействия людей, живущих вблизи друг от друга: волог. *в другозьбу ходить* ‘ходить к соседям по деревне, чтобы «посидеть», узнать новости, не по приглашению, а на правах знакомой или соседки’ (волог. *В другозьбу ходили, не в гости, а просто к соседке; Сходила, говорят, я в другозьбу, заскочила к ней*) (KSGRS), яросл. *в посёдки (в посёдки), в посидёлках (в посидёлки, посидёнки) быть (идти, находиться)* ‘праздно проводить время у соседей, знакомых’ (*Пойду к Матрене в посёдки схожу; Ее нет, она в посиделках у тети Дарьи*) (JaOS, 2: 38), яросл.

засѣдки ‘визиты к соседям и знакомым с целью поболтать’ (*Кто в засѣдки ходит, тот и сплетни сводит*) (JaOS, 4: 100). При этом в народной деревенской культуре соседские гощения отличаются от приема гостей-«несоседей». Последние – это либо редко приезжающие родственники, то есть гости желанные, званные, жданные, либо незнакомые приезжие гости, прибывшие неожиданно и потому вызывающие интерес, как, например, это бывает с экспедиционной научно-исследовательской группой, изучающей в полевых условиях фольклор или ведущей сбор и описание лексики говоров и под. Таких гостей привечают, принимают с почтением, благожелательностью и предлагают угощение. Приход соседки или соседа, так сказать, иной по своим характеристикам: это гость незваный, неожиданный, иногда нежеланный, к тому же частое хождение к соседям не одобряется, видится праздношатанием, оборотной стороной бесхозяйственности: костром. *бездомовница* ‘о женщине, любящей ходить по гостям’ (*Вон бездомовница ходит, дома у самой грязно*) (LK TE). Это не выдающееся событие, а рядовое, поэтому гость не устаивается не только угощения, но часто и приглашения в дом (разговор с хозяевами недолог, и состоится он у калитки или во дворе). Пришедшего даже не вполне уместно назвать гостем, ср. речевую рефлексию носителей русских народных говоров: костром. *Соседка вот пришла на бесѣдки, поговорить значит просто, а если в гости идти – дак это другое, это уж на праздник или далеко*) (LK TE). Об этом пишет Е. Л. Березович, называя посещение соседей *другощением* в противовес «настоящему» *гощению*, поскольку в говорах Русского Севера есть слово *другозьба*, во внутренней форме которого можно усматривать контаминацию от «другая изба» и «другая гостьба»: «“Другощение” подчеркнуто неритуально. Если собиратель оказывается для хозяина гостем издалека, если его по правилам гостеприимства угощают, на него “тратят время” и т. п., то зашедшая во время чаепития хозяина и дальнего гостя соседка может не удостоиться никакого специального внимания [...] Присиживание в чужих домах может осознаться как неоправданная трата времени, склонность к праздношатанию, безделью и любовь к сплетням» (Berezovich 2007: 46–47).

Близость пространственного расположения объектов как ключевой признак соседства и соседские гощения находят отражение в загадках, в которых объективирована оппозиция «рядом находятся – не видятся (не встречаются)»: новг. *Много соседей / Рядом век живут, / А никогда не видятся?* (Окна) (Sadovnikov 1995: 18), новг. *Два брата в соседях живут, друг / друга не видят* (Глаза) (Sadovnikov 1995: 370). Для составления загадки, основанной на механизме сравнения двух предметов, носитель языка выбирает в качестве объекта ассоциирования прочно закрепленные в памяти, устоявшиеся, стереотипные образы, поэтому оправдан обратный исследовательский ход – от названных в тексте загадки признаков к уста-

новлению семантических компонентов эталонного образа как стереотипных. В приведенных выше загадках при апелляции к образу соседа упомянуты три квалификатора: *живут, рядом, не видятся (не видят друг друга)*. На основе первых двух компонентов можно заключить, что базовый стереотип здесь «соседи живут рядом», и он соотносится с первыми двумя значениями слова *sosjed* в словаре современного русского языка: *sosjed* ‘тот, кто живет поблизости, рядом с кем-либо’ и ‘тот, кто занимает ближайшее к кому-либо место’ (SSRLJa, 14: 346). Последний элемент «не видят друг друга» содержит отрицание в качестве указания на нарушение нормативности образа («казалось бы, они соседи, ОДНАКО не видятся»), а значит, всё по тому же принципу движения от обратного, стереотипным следует считать представление о том, что обычно «соседи видятся». Эта составляющая образа соседей имеет факультативный характер, поскольку соответствующий семантический компонент не входит в число дифференциальных признаков в дефинициях слова *sosjed*, что вполне соотносится с содержанием денотата, а именно с логикой возможных в жизни взаимодействий между соседями, которые могут общаться (обычно – то есть чаще всего – так бывает) или подолгу либо вовсе не встречаться (это бывает реже, но вполне вероятно). Такое положение дел в обыденной коммуникации находит подтверждение в ходе анализа типовых словоупотреблений в русскоязычных текстах, а именно: слово *sosjed* имеет в контекстном окружении слово *видеться* или его синонимы, аналоги: *На прощанье узнали друг от друга, что остановились в одной гостинице. – Значит соседи, видеться будем. Милости просим нас посетить, чайку когда покушать, – с теплым радушием молвил Самоквасову Марко Данилыч* (П. И. Мельников-Печерский. На горах, 1875–1881) (NKRJa); *Гуляю в ожидании охоты; вижу с некоими соседями* (П. В. Анненков. Литературные воспоминания, 1882) (NKRJa); *За Верхоянским хребтом отстоит одна юрта от другой часто верст на двести, так что ближайшие соседи не видятся иногда по целым годам* (Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, 1841) (NKRJa); *С месяц я не виделся с моими соседями* (М. В. Авдеев. Тамарин, 1851); *Запуганные росли дети и боялись встречаться соседи* (С. Т. Семенов. Односельцы, 1917) (NKRJa) и др. (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Интересно развернута идея «контакта» как конституирующего свойства соседства в названии народной игры: дон. *играть в свои соседочки, играть в соседку* ‘играть в молодёжную игру с ремнём и поцелуями’ (*Играли ф сасетку. Дефка сидить у парня на каленки, яму патом римнём жалили руку*) (SDGVO: 216). Сам выбор названия, включение в его структуру слова *соседочки, соседку* основывается на стереотипе о том, что «соседи встречаются, видятся», и на ассоциировании «встречи соседей» и «свиданий влюбленных».

4 СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ‘ЦЕННОСТЬ СОСЕДСТВА’

Пословицы несколько иначе инструментализируют семантику ‘близость расположения объектов в пространстве’, чем поговорки, загадки и другие разновидности малого фольклора, представленные выше. Подавляющее их большинство оценивает пространственную близость соседней положительно, даже предпочитает её близости родственных отношений:

Русские: *Близкий (Ближний) сосед лучше дальней родни* (Mokienko et al. 2010: 859; ТРР: 37); *Ближний сосед лучше дальней родни (лучше, чем дальняя родня): с ним жить, с ним [и] дружить* (Sokolova: 294, 529); *Лучше добрый сосед, чем дальняя родня* (Sokolova: 521); *Лучше добрые соседи, чем далёкая родня* (Mokienko et al. 2010: 860); *Лучше сосед вблизи, нежели брат вдали* (Świerczyński 2001: 230); *Сосед ближе дальней родни* (FSRGP: 173); *Хороший сосед ближе брата* (Sokolova: 521); *Не меняй ближнего соседа на дальнюю родню* (Mokienko et al. 2010: 860; Sokolova: 521); *Где ни жить, везде служить и с соседом дружить* (Mokienko et al. 2010: 860).

Украинские: *Ближний сусід кращий від далекого брата; Близько сусід ліпше, як далеко брат; Без брата проживеш, а без сусіда – ні* (Pazjak 3: 27); *Добрий сусід – найближча родина; Добрий сусід дорожчий від брата* (Pazjak 3: 28); *Краще близький сусіда, аніж далекий родич* (Pazjak 2: 134)

Белорусские: *Блізкі сусед лепші дальняй радні; Лепшэ блізкі сусед, чым далёкі родзіч; Без брата пражывеш, а без суседа не ймеш; Не мяняй бліжняга суседа на дальняга роднага брата: к брату дальняму не пабягіш, када табе што нужна, а к бліжняму суседу* (Grynblat 1976, 1: 386).

Сравнение соседей и родственников в пользу первых противоречит системе разметки окружения человека, обычно опирающейся на шкалу «измерения близости» по вектору от родственников к неродственникам по крови: «ближняя родня > дальняя родня > ближнее неродственное окружение: близкие территориально / духовно / профессионально и под. > малознакомые люди». Однако народная мудрость указывает на ценность непосредственного окружения человека, то есть людей, с которыми он взаимодействует постоянно, каждодневно, и эти взаимодействия составляют жизнь человека. Это особенно значимо в традиционной крестьянской культуре того периода, который предшествовал эре развития информационных технологий, изменившей мир прежде всего в сторону преодоления границ локальных культур.

Смысл таких пословиц прозрачно дидактичен: надо дорожить добрым соседом и поддерживать хорошие, добрососедские отношения, чествовать соседа как родного.

Отсюда рекомендации сначала присмотреться к перспективе соседства, а потом – к покупке дома:

Русские: *Не узнав соседа, дома не покупай; Не узнав соседа, избу не покупают* (Mokienko et al. 2010: 859); *Не узнав соседа, квартиры не меняй*

(Sokolova: 521); *Не покупай подворье – покупай соседа* (Mokienko et al. 2010: 675); *Не купи села, купи соседа* (Mokienko et al. 2010: 778); *Не покупай хату, а покупай соседа* (Mokienko et al. 2010: 947).

Украинские: *Не купи хати, та купи сусіда; Не купуй собі дім, але сусіда, дім купиш, але сусіда не продаш; Не купуй собі дім, а купи сусіда: хату купиш, а сусіда не продаси; Не купуй хати, тільки доброго сусіда; Не шукай хати, ено доброго сусіда* (Pazjak 3: 28).

Белорусские: *Не купі двара, а купі суседа; Добра, як сусед блізка і пералаз нізка; У суседстве жыць – адзін другому служыць; Добры сусед, як сытны абед; І дружба, і забава – суседская справа; Бліжняга суседа пасадзі ўярод усіх* (Grynblat 1976, 1: 386).

Знакомство с будущими соседями в качестве решающего фактора при выборе дома (места жительства) происходит из понимания преимуществ «хорошего соседства», которое складывается из двух характеристик: безопасное и полезное. Об этом скажем далее, поскольку именно паремиологический материал фиксирует эти представления с особенной ясностью.

5 СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ‘ВЗАИМОВЫГОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ’

Семантика взаимодействия, контактирования в паремиологическом зеркале характеризует разные ракурсы этих действий, имеющих прежде всего социальное звучание: взаимопомощь, одалживание продуктами, мир и согласие, заключение брачных союзов.

ТРУДОВАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ. Существенна в представлениях о соседях идея взаимной помощи, в традиционной крестьянской культуре подразумевается прежде всего помощь в тяжелых хозяйственных работах. Этнографическую основу имеет понятие соседского «долга», то есть негласных правил, на которых строятся соседские отношения, или договорных обязательств, обеспечивающих распределение работ между несколькими семьями, дворами в деревне яросл. *долговáя нива* ‘в старой деревне – обработка поля совместными усилиями хозяина и соседей поочередно’ (JaOS, 4: 11); дон. *Соседу помощь – и себе крепь* (SDGVO: 271). Показательно наличие множества диалектных обозначений коллективной работы – *помочей* (Leontyeva 2011 и мн. др.). Ср. также заметки о том, что контакты и помощь друг другу – постоянные атрибуты и формы организации быта между соседями как национальными сообществами в контактных зонах. Так, О. В. Белова, освещая экспедиционные материалы, собранные в восточных регионах Республики Беларусь, выявляет в нарративах маркеры отношения местного населения к соседям-евреям; в частности, отмечает: «Рассказы о соседстве отмечают такие особенности микролокального бытия, как билингвизм

(с обеих сторон), взаимопомощь, межэтнические браки» (Belova 2018: 28). В паремиологии трудовая соседская взаимопомощь не получила значительной разработки, но ср. пословицу: *У дружных соседей и сохи свились вместе* (Mokienko et al. 2010: 859).

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЗЯТЬ ВЗАЙМЫ ПРОДУКТЫ, ХОЗЯЙСТВЕННУЮ УТВАРЬ, УГОСТИТЬСЯ У СОСЕДЕЙ. Характеристика взаимопомощи паремиологическими средствами русского языка несколько условна, ибо апеллирует в основном к «продовольственной» импликации такой взаимопомощи (resp. сотрудничества и угощения), чаще даже – односторонней помощи: *Живёт не скудно: купит хлеб поудно, у соседа пообедает, на реку пить сбегает* (Mokienko et al. 2010: 950); *Приходи ко мне: у шабра какое пиво!, где шабёр – ‘сосед’* (Mokienko et al. 2010: 998); *Как праздник у соседа близко, так ему кланяются низко* (Mokienko et al. 2010: 716). У соседа можно позаимствовать предметы утвари, продукты и т. п., даже пожить чужим добром: *Поле соседа не чужое поле* (Sokolova: 318).

В словаре пермских говоров зафиксировано выражение *соседское дело* с весьма показательным примером словоупотребления, описывающим, как сосед просит займы соли: перм. *сосёдское (сусёдское) дёло* ‘о чем-л., как вполне правомерном для взаимоотношений между соседями’ (*Дала мне давеча соли займы. Мало ли чё – суседское дело*) (AS, 1: 231). У украинцев же эталонным предметом соседского займа выступает огонь: *Сусідська річ позичати вогню* (Pazjak 3: 28).

В **русских** пословицах конструируются образы «добрый / хороший сосед» и «богатый сосед»: *Добрый сосед как хлеба кусок* (Sokolova: 521); *Добрый сосед (сусед) – [как] хлеба сусек* (Mokienko et al. 2010: 859), где *сусед* – ‘сосед’, а *сусек* – ‘закром’; *Не надо и хлеба сусек, а был бы хороший сосед* (Mokienko et al. 2010: 859); *Бедный и к празднику у соседа отпрашивается* (Mokienko et al. 2010: 716).

В **украинских** пословицах выражено то же почитание такого соседа, который, будучи крепким хозяином, может быть полезным, помочь, у кого можно угоститься и кого следует угощать и привечать, поддерживая добрососедство: *Коли сусід, як мід, то проси його на обід; Коли сусід, як мідь, тоді проси його на обід; Тоді сусід добрий, коли мішок повний* (Pazjak 3: 28); *Поки рідня одвіда, то сусіда пообіда* (Pazjak 2: 135)

В **белорусском** малом фольклоре, где есть созвучная идея (*Такі сусед добры, калі кашэль поўны* (Grynblat 1976, 1: 388)), отражен и некоторый скепсис по отношению к соседской взаимопомощи, который возвращен и на уверенности в том, что сосед вовсе не щедр, и на признании собственного нежелания делиться своим добром с соседом: *Дастанеш ты ў іх, суседзей, лёду; Не хапайся з суседскай ласкай, калі не трэба; У суседстве жывучы, не прыдзеш мукі, дык прыдзеш попелу; Абдуры суседа, пакуль ён цябе не абдурыў; У суседа розуму не пазычыш* (Grynblat 1976, 1: 388); *Суседу ўгадзі – сабе*

абгаладзі (Grynblat 1976, 1: 387); *Не даўшы – не сусед, а даўшы – сабе нет; Не дай – не сусед, дай – сабе нет* (Grynblat 1976, 1: 386).

Мотив нежелания угощать соседа находим и в русской поговорке: *Перелобанил свинку, ан соседа в спинку* (Mokienko et al. 2010: 792). Вообще идеализация отношений соседей закономерно не соотнобразуется с действительностью, и наличие поговорок о соседской взаимопомощи характеризует не реальное положение дел, а идеальное, желаемое, разумное.

В целом же устойчивость идеи соседской поддержки, помощи присутствует и в имплицативной составляющей **белорусской** поговорки, характеризующей человека, не способного никого ни в чем поддержать, никому быть опорой: *Ні ў горадзе парука, ні ў дарозе таварыш, ні ў дзярэўні сусед* (Grynblat 1976, 1: 387).

БРАЧНЫЕ СОЮЗЫ. В крестьянском сообществе различие соседского (как своего) и чужого значимо в разрезе матримониальных дел. Так, конструкция с обстоятельственным значением ‘недалеко от дома, в ближнем по проживанию окружении’, включающая слово *соседство*, используется для характеристики жениха или девки, вступающих в брак: орл. *в соседстве ‘в одной деревне’ (Замуш в сасецтви выхаділа, жаніх в нашай дивевні жыў)* (Zubova 2016, 1: 229). Для организации традиционного быта важно принимать во внимание такую близость или далекость, потому что это критерий не только территориальный, но и социальный, устанавливающий чужесть или сходство жениха и невесты и, как следствие, вероятность создания общего для них семейного уклада, крепость брачного союза, семьи.

Закрепление соседских связей брачными родственными узлами маркируется паремииологическим фондом славянских языков: **рус.:** *Сына женить – [с] сусеками, а дочку (дочь) выдавать (выдать) – соседями* (Mokienko et al. 2010: 896); *Дочь выдать – с суседами, сына выдать – с сусеками* (Mokienko et al. 2010: 297); *У хороших соседей и кривая дочь выйдет замуж* (Mokienko et al. 2010: 860); **укр.:** *У сусіда дочок сім, та і доля всім; У сусіда доньок сім та й є доля всім, у мене одна, та й тій нема* (Pazjak 2: 134). В русских поговорках акцент сделан на том, что для дочери родители видят лучшую долю в замужестве недалеко, соседском, потому что о том, кто живет рядом, всё известно, и можно надеяться, что дочь попадет в хорошую семью. В украинских же поговорках ключевой образ иной – соседская дочь с богатым приданым.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ С СОСЕДЯМИ. Жить в согласии с соседями означает быть в безопасности и иметь те возможности получить помощь, о которых шла речь выше: **рус.** *Можно полюбить весь свет – полюби своего соседа* (Sokolova: 81); *С соседом в миру – все ко двору* (Sokolova: 307); *Где ни жить, везде служить и с соседом дружить* (Mokienko et al. 2010: 860). Ср. *На стыре семья не держится, на стыре соседи не сживутся*

(SRNG 42: 116), где *стыр* – ‘ссора, раздор, ругань’; **укр.** *Добрий чоловік і сусідів дім од огня сохраниць* (Pazjak 2: 98).

В **украинских** пословицах идея соседского согласия выражается и как равновесие взаимных действий и отношений между соседями: *Який сусіда, така і бесіда* (Pazjak 3: 28); *Як чоловік добре ся має, то й сусід в нього буває*; *Як чоловік добре ся має, то кожний його почитає* (Pazjak 2: 203); *Як ся чоловік гаразд має, то і сусід буває* (Pazjak 3: 28). В них обрисована целая тактика соседских отношений: с соседом нужно обращаться так, как он того заслуживает.

Добавим еще один знак мирного сосуществования соседей – совместные празднования. Выше говорилось о том, что приглашать за стол соседа, пришедшего в гости, в русской народной культуре не принято, однако в паремиях упоминается соседское застолье – либо как бытовое выпивание вместе, либо как праздничные гуляния: *Первую чару – как свет, призвав друга в привет, вторую перед обедом, с ближним соседом, третью с молодцами по полудни, и то в праздник, а не в будни* (Mokienko et al. 2010: 978); *Запили соседи – зап’єм (загуляєм) [же] и мы* (Mokienko et al. 2010: 860).

6 СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ‘НАНЕСЕНИЕ ВРЕДА СОСЕДОМ, ОПАСНОСТЬ’

Разумеется, паремии отражают и негативную аксиологию концепта СОСЕД, тоже весьма разнообразную семантически.

СОСЕД МНОГО ВИДИТ И РАЗНОСИТ СПЛЕТНИ О СОСЕДЯХ. Наглавнейшую опасность представляет как раз близость соседей: они многое видят, знают друг о друге, и это знание могут разносить, распространять в виде сплетен, обсуждать с другими соседями то, что хотелось бы скрыть: **рус.:** *Узнал сосед – узнает весь свет* (Sokolova: 79, 551); *Говорил бы много, да сосед у порога* (Mokienko et al. 2010: 859); *Собака не залает, так и сосед не узнает* (Sokolova: 535); *Чертополох да осот от соседа к соседу под тыном пробирается* (Mokienko et al. 2010: 992); **укр.:** *Знають сусіди твої обіди*; *Добре, як сусід близький і перелаз низький*; *Не заглядай до сусіда, може з того бути біда*; *Чим більше насолить сусіди, як не язиком?* (Pazjak 3: 28); *Що вчать дома діти, те знають і сусіди* (Pazjak 2: 121); **білорус.:** *Ведає сусед, як хто ідзе ўпрысед* (Grynblat 1976, 1: 388).

ПРИХОД СОСЕДА В ДОМ НЕЖЕЛАТЕЛЕН. В пословицах содержится своеобразная инструкция для сохранения своего дома и семьи в безопасности: для этого не нужно привечать соседа, пускать его в дом, лучше держать его за порогом дома, как чужого. **Украинские:** *Не держи сусіда в хаті, поклади на тім місці камінь: зіб’єш ногу та знаси, що на тім буде кінець*; *Як маєш сусіда пустить, то в сінях камінь положи*; *Пусти сусіда в хату та й сам у сусіди йди*; *Пусти сусіда в хату та й сам підеши до сусіди*; *Пусти сусідів*

до хати, то сам підеши до сусідів (Pazjak 3: 28). **Белорусские:** *Маеш прыняць у хату падсуседку, то лепі барану на том месцы настаў; Хто мае суседку ў хату пусціць, то няхай лепей бо рану на том месцы наставіць; Пусці суседа ў хату, то сам выбірайся з хаты; Пусці падсуседа ў хату, а сам з хаты; Падсусед на парог, а сам за парог; Не выкурыш з хаты падсуседа; Падсуседа і дымам не выкурыш; Падсуседа не выкінеш; Падсуседа і вадою не выжывеш* (Grynblat 1976, 1: 387). Очевидно, что оборотной стороной помощи между соседями может быть злоупотребление добротой и гостеприимством.

СОСЕДСКОЕ ДОБРО – ЧУЖОЕ, ЕГО ПРИОБРЕТЕНИЕ ОБЕРНЕТСЯ ЗЛОМ. Украинский народ подмечает, что взятое у соседей не идет на пользу. Соседское в подобных примерах оценивается прежде всего как чужое, не свое, такое, которое невозможно присвоить, сделать своим: **укр.** *У сусіди ані коня не купуй, ані жінки не бери, бо будуть утікати; У сусіда ані жінки не бери, ані коня не купуй, бо будуть втікати до давньої хати* (Pazjak 3: 28); *Бодай доброго сусіда мати та й своїм плугом орати; Бодай злого сусіда не мати, лиха не знати та й своїм плугом орати* (Pazjak 3: 27).

СОСЕД МОЖЕТ ВЫЗЫВАТЬ НЕДОВОЛЬСТВО СОСЕДЕЙ. Пословицы запечатлели возможность раздоров, ссор между соседями, это часто связано с тем, что они по-разному ведут хозяйство и, находясь поблизости, мешают друг другу, вызывают раздражение и недовольство: **рус.** *Приобрел злую собаку – потерял добрых соседей* (Sokolova: 82); **укр.** *Сусід спати не дає – добре живе; Нема більшої біди над лихі сусіди* (Pazjak 3: 28); **белорус.:** *Не карай цябе, божа, нічым, анно суседам і другам ліхім; У суседстве жывучы, усяка здараецца; Суседская справа – пасварыцца і памірыцца* (Grynblat 1976, 1: 387); *Дзе забор, так і раздор* (Grynblat 1976, 1: 388). В этих и подобных пословицах нарисован образ «плохого соседа», нежелаемое соседство-«наказание», то самое, которого призывают бояться и избегать при покупке дома.

Некоторые пословицы возвращают нас к диалектическому и этимологическому синкретизму слова *sosied*, а именно – к неизбежности сосуществования с теми, кто «сидит» (или «посажен») рядом: **рус.** *Без соседей не прожить – все равно будут* (Sokolova: 344); *От простенка не уйдёшь*, где *простенок* – ‘сосед’ (Mokienko et al. 2010: 727); **укр.:** *З честю пройдеши цілий світ, без честі – й ні до сусід* (Pazjak 2: 367); *Душа – не сусід, її не випреш* (Pazjak 2: 254).

В связи с идеей опасений иметь плохих соседей интересна граммема *в соседях (жить)*. В высказывании ее обычно сопровождают слова, называющие человека по социальной роли, статусу (солдат, вдова, солдатка, босс, бандит и др.): дон. *в соседях ‘по соседству’ (У нас ф саседих жыла адна жалмерка)* (SDGVO: 560), *Вот мне бандита только в соседях не хватало!* (Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006) (NKRJa), *В соседях у Нины Зиновьевны – целая криминальная династия: отец застрелил*

жену, сын зарезал любовницу, а дети спалили соседский дом (Анна Филимонова. Предсмертный бизнес деревни Терехово. В самом центре столицы жизнь остановилась 30 лет назад // «Известия», 2002.05.19) (NKRJa) и мн. др. Показательно, что подразумевается статус выдающийся, характеристика, выделяющая человека среди множества других, не обладающих таким статусом, и, как правило, не вызывающая одобрения, чем-то тревожащая, то есть нежелательная в ближайшем окружении. Таким образом, частотность речевых реализаций конструкции «У нас в соседях + живет / есть + 'известный плохими поступками или бедствующий человек'» постулирует внимание к социальным характеристикам соседей и свидетельствует о беспокойстве и опасениях в отношении тех, кто находится поблизости постоянно. Благополучный же сосед – залог безопасности и спокойствия.

7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозревая представленные паремиологические ряды с компонентом *soced / sused / sused / sused / шабёр* в трёх языках и отмечая их бесспорное сходство в оценочной составляющей концепта СОСЕД, можно, на первый взгляд, объяснить это генетической близостью языков. Однако, расширив круг межъязыковых сопоставлений, нетрудно убедиться, что аксиологическая дихотомия, их энергетически заряжающая, во многом универсальна. Вот несколько характерных примеров из одного из новейших многоязычных паремиологических словарей:

рус. *У соседа занялось – гляди в оба*; чеш. *Když u souseda hoří, odstav svého*; *Sousedská pohroma, tobě výstraha*; болг. *Гори ли на комшията къцата, търчи да гасиш своята*; нем. *Wenn des Nachbars Haus brennt, so trägt man Wasser zum eigenen*; англ. *Look to thyself when thy neighbour's house is on fire*; фр. *Il s'agit de toi, si la maison de ton voisin brûle*; *Quand la maison voisine brûle, on doit bien craindre pour la sienne*; *Qui ardre voit l'hotel de son voisin, du propre sien doit avoir souci*; лат. *(Nam) Tua res agitur, paries cum proximus ardet* (Bachmannová – Suksov 2007: 75);

рус. *Хороший сосед ближе, чем дальний родственник; Не купи двора, купи соседа*; чеш. *Dobrý soused nad zlato*; *Soused je nejbližší přítel*; *Od dobrého souseda hraditi se netřeba*; *Dobrý soused – drahý klenot*; *Dobrý soused je lepší (je víc) než rodina*; *Dobrý soused – půl živnosti*; *Musí soused se sousedem kyselá jablka i plané hrušky jísti, a za dobré přijítí*; болг. *Не купувай къца, а комшия; Не купувай лозе, купи комшия*; нем. *Ein guter Nachbar ist die beste Wache*; *Ehe du Haus kaufst, frag' nach dem Nachbar*; англ. *A near neighbour is better than a fardwelling kinsman*; *We can live without our friends, not without our neighbours*; фр. *N'achete pas la maison, mais achete le voisin* (Bachmannová – Suksov 2007: 164);

рус. *С соседом дружись, а забор городу*; чеш. *Dobré ploty dělají dobré přátele*; (антонимично:) *Od dobrého souseda hraditi se není třeba*; болг. *И да имаш харен комшия, пак гради харен плет*; нем. *Zwischen Nachbars Garten*

ist ein Zaun gut; Liebe deinen Nachbar, rei aber den Zaun nicht ein; англ. Good fences make good neighbours; Love your neighbour, yet pull not down your hedge; фр. La borne sied tres bien entre les champs de deux voisins (Bachmannov – Suksov 2007: 164).

Как видим, аксиологическая дихотомия концепта «Сосед» универсальна. Не случайно её следы можно найти в Библии, причём в разных её переводах именно сосед называется «ближним» и наоборот. В послании апостола Павла (Гал. 5:14) в русском синодальном тексте главный завет христианства, по словам Иисуса Христа, звучит так: «Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя». В английском же каноническом переводе этот завет относится именно к соседу: «For the whole law is fulfilled in one word, (even) in this: Thou shalt love thy neighbor as thyself». И это не случайно, ибо здесь также действует этимологическая «заряженность» слова *neighbour*, которое, как и нем. *Nachbar*, буквально значит «близко живущий» (НВ 1963: 460), то есть – и «ближний», и «сосед». Но вот что любопытно, хотя и вполне закономерно с точки зрения внутренней аксиологической логики концепта СОСЕД: даже сакральность Священного Писания не обезопасила этот концепт от диалектической раздвоенности его оценки. В своей новейшей книге о картине мира в современных американских пословицах В. Мидер (Mieder 2020: 18, 221) дважды возвращается к этому древнему изречению о соседу. Причём возвращается как к типичному примеру создания американских антипословиц: «*Love thy neighbor, budt don't get saught...*», то есть: «Возлюби своего ближнего [соседа], но... – не попадайся...» Конечно, можно такую трансформацию пословицы трактовать либо как святотатство, либо как современный американский «стёб». Но как бы ни квалифицировать эту древнюю оценку соседа и её современную переоценку, обе они отражают семантический синкретизм в изначальных наименованиях соседа у многих индоевропейских народов. А, быть может, и не только индоевропейских.

ЛИТЕРАТУРА

- AOS** = Архангельский областной словарь, Москва: Изд-во МГУ, 1980–.
[*Arhangel'skij oblastnoj slovar'*, Moskva: Izd-vo MGU, 1980–.]
- AS** = Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области, Пермь, 1984–2011.
[*Slovar' govora derevni Akim Krasnovierskogo rajona Permskoj oblasti*, Perm', 1984–2011.]
- Bachmannov – Suksov 2007** = *Jarmila Bachmannov – Valentin Suksov, Jak se to řekne jinde. esk pislovi a jejich jinojazyn protřsky*, Praha: EUROMEDIA – Knini klub, 2008.
- Balaova 2017** = Любовь В. Балашова, Место метафоры в репрезентации концептов (на материале концепта «сосед»), в: *Известия Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика* 17.2 (2017), 131–136.
[*Ljubov' V. Balaova, Mesto metafory v reprezentacii konceptov (na materiale koncepta «sosed»)*, v: *Izvestija Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. G. ernyevskogo. Nov. ser. Ser. Filologija. Žurnalistika* 17.2 (2017), 131–136.]

- Belova 2018** = Ольга В. Белова, Этнокультурное соседство в фольклорных нарративах, в: *Живая старина* 3.99 (2018), 28–31.
[Ol'ga V. Belova, *Ėtnokul'turnoe soседstvo v fol'klornyh narrativah*, v: *Živaja starina* 3.99 (2018), 28–31.]
- Berezovich 2007** = Елена Л. Березович, *Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования*, Москва: Индрик, 2007.
[Elena L. Berezovič, *Jazyk i tradicionnaja kul'tura: ètnolingvističeskie issledovanija*, Moskva: Indrik, 2007.]
- BTS 1998** = Сергей А. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург: Норинт, 1998.
[Sergej A. Kuznecov (red.), *Bol'soj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*, Sankt-Peterburg: Norint, 1998.]
- ESUM** = Олександр С. Мельничук (ред.), *Етимологічний словник української мови*, Київ: Наукова думка, 1982–2012.
[Oleksandr S. Mel'nyčuk (red.), *Etymologičnyj slovnyk ukrajins'koji movy*, Kyjiv: Naukova dumka, 1982–2012.]
- Fasmer** = Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка 1–4*, Москва: Прогресс, 1964–1973.
[Maks Fasmer, *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka 1–4*, Moskva: Progress, 1964–1973.]
- FSRGP** = *Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья*, Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2006.
[*Frazeologičeskij slovar' russkih govorov Pribajkal'ja*, Irkutsk: Irkut. gos. un-t, 2006.]
- Grynblat 1976** = *Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах: складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і камментары М. Я. Грынבלата*, Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
[*Prykazki i prymauki ŭ dzvjuh knigah: skladanne, sistèmatyżacija tэкstaў, ўступny артыкул і камментары М. Я. Грынבלата*, Мінск: Навука і тэхніка, 1976.]
- HW 1963** = *Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*, Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1963.
- JaOS** = *Ярославский областной словарь*, Ярославль, 1981–1991.
[*Jaroslavskij oblastnoj slovar'*, Jaroslavl', 1981–1991.]
- Kolesov et al. 2014** = Владимир В. Колесов et al., *Словарь русской ментальности*, Санкт-Петербург: Златоуст, 2014.
[Vladimir V. Kolesov et al., *Slovar' russkoj mental'nosti*, Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2014.]
- KSGRS** = *Картотека Словаря говоров Русского Севера* (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина).
[*Kartoteka Slovarja govorov Russkogo Severa* (hranitsja na kafedre russkogo jazyka, obščego jazykoznanija i rečevoj komunikacii Ural'skogo federal'nogo universiteta imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina).]
- Leontyeva 2011** = Татьяна В. Леонтьева, Названия коллективной помощи соседям в русской деревне: мотивационный анализ, в: *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева* 2.3 (2011), 82–88.
[Tat'jana V. Leont'eva, Nazvanija kolektivnoj pomošči soседjam v russkoj derevne: motivacionnyj analiz, v: *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* 2.3 (2011), 82–88.]
- LK TE** = *Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ* (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).
[*Leksičeskaja kartoteka toponimičeskoj èkspedicii UrFU* (hranitsja na kafedre russkogo jazyka, obščego jazykoznanija i rečevoj komunikacii Ural'skogo federal'nogo universiteta imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, Ekaterinburg).]
- Mieder 2020** = Wolfgang Mieder, *The Worldview of Modern American Proverbs*, New York – Bern et al.: PETER LANG, 2020.

- Mokienko et al. 2010** = Валерий М. Мокиенко et al., *Большой словарь русских пословиц*, Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
[Valerij M. Mokienko et al., *Bol'soj slovar' russkich poslovic*, Moskva: OLMA Media Grupp, 2010.]
- NKRJa** = *Национальный корпус русского языка*, URL: www.ruscorpora.ru.
[*Nacionalnyj korpus russkogo jazyka*, URL: www.ruscorpora.ru.]
- Pazjak** = Михайло М. Пазяк (ред.), *Прислів'я та приказки*, Київ: Наукова думка, 2001.
[Myhajlo M. Pazjak (red.), *Prysliv'ja ta prykazky*, Kyjiv: Naukova dumka, 2001.]
- Sadovnikov 1995** = Дмитрий Н. Садовников, *Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач*, Москва: Современный писатель, 1995.
[Dmitrij N. Sadovnikov, *Zagadki russkogo naroda: sbornik zagadok, voprosov, pritč i zadač*, Moskva: Sovremennyy pisatel', 1995.]
- SDGVO** = *Словарь донских говоров Волгоградской области*, Волгоград: Издатель, 2011.
[*Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti*, Volgograd: Izdatel', 2011.]
- SOG** = *Словарь орловских говоров*, Орёл: ГОУ ВПО «Орловский гос. ун-т», 1989–2008.
[*Slovar' orlovskih govorov*, Orël: GOU VPO «Orlovskij gos. un-t», 1989–2008.]
- Sokolova** = Мария И. Соколова, *Народная мудрость: пословицы и поговорки*, Новосибирск: Офсет, 2009.
[Marija I. Sokolova, *Narodnaja mudrost': poslovičy i pogovorki*, Novosibirsk: Ofset, 2009.]
- SPP** = Валерий М. Мокиенко – Татьяна Г. Никитина, *Словарь псковских пословиц и поговорок*, Санкт-Петербург: Норинт, 2001.
[Valerij M. Mokienko – Tatjana G. Nikitina, *Slovar' pskovskih poslovic i pogovorok*, Sankt-Peterburg: Norint, 2001.]
- SRDG** = *Словарь русских донских говоров*, Ростов-на-Дону, 1976.
[*Slovar' russkich donskih govorov*, Rostov-na-Donu, 1976.]
- SRNG** = *Словарь русских народных говоров*, Санкт-Петербург: 1965–.
[*Slovar' russkich narodnyh govorov*, Sankt-Peterburg: 1965–.]
- SSRLJa** = Кирилл С. Горбачевич (ред.), *Словарь современного русского литературного языка*, Москва: Русский язык, 2004–2007.
[Kirill S. Gorbachevič (red.), *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*, Moskva: Russkij jazyk, 2004–2007.]
- Świerczyńscy 2001** = Dobrosława i Andrzej Świerczyńscy, *Słownik przysłów w ośmiu językach*, Warszawa: wyd. Naukowe PWN, 2001.
- TPP** = *Тверские пословицы и поговорки*, Тверь: Тверской областной гос. Дом народного творчества, 1993.
[*Tverskie poslovičy i pogovorki*, Tver': Tverskoj oblastnoj gos. Dom narodnogo tvorčestva, 1993.]
- TSRJa 2007** = *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, Москва: Азбуковник, 2007.
[*Tolkovyy slovar' russkogo jazyka s vključeniem svedenij o proishoždenii slov*, Moskva: Azbukovnik, 2007.]
- Zubova 2016** = Жанна А. Зубова, *Словарь устойчивых сочетаний орловских говоров*, Орел: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», 2016.
[Žanna A. Zubova, *Slovar' ustojčivyh sočėtanij orlovskih govorov*, Orël: FGBOU VO «Orlovskij gosudarstvennyj universitet imeni I. S. Turgeneva», 2016.]

POVZETEK

Sosedi in sosedstvo v vzhodnoslovanski paremiologiji: primerjalna analiza

Za podobo sosedov v slovanski paremiologiji je značilna kombinacija odobravanja pomenov, ki odraža nujnost in pragmatične koristi skupnega obstoja v tradicionalni družbi, po drugi strani pa omalovažujočih konotacij, trdno zasidranih v negativni izkušnji neuspešnega, a neizogibnega sobivanja prebivalcev bližnjih hiš, dvorišč, ulic ... Ta enotnost nasprotujočih si pomenov se kaže v slovanskih pregovorih, v katerih so pozitivne in negativne značilnosti soseske skoraj uravnotežene. V članku je podana analiza takšnih ruskih, ukrajinskih in beloruskih paremij.